

В статье, написанной на основе материалов, выявленных в фондах Российской научной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России и Государственного архива Российской Федерации, представлены промежуточные результаты исследования, проводимого в рамках гранта Российского научного фонда «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока». Приводится обзор источников, раскрывающих различные аспекты гарнизонного и казарменного быта в 1900–1930-е годы. «Красные казармы», являющиеся основным объектом исследования, рассматриваются в двух ракурсах – как база краснокирпичной гарнизонной архитектуры, распространенной на всей территории Российской империи от Петербурга до Владивостока, и как идеологический конструкт первого десятилетия советской власти, противопоставляющийся «царской казарме».

Ключевые слова: Дальний Восток; красные казармы; гарнизонная архитектура; военные городки. /

Written on the basis of materials identified in the collections of the Russian Scientific Library, the State Public Historical Library of Russia and the State Archives of the Russian Federation, the article presents the interim results of a study conducted within the framework of the Russian Science Foundation grant “Military Theme in the Architectural and Spatial Development of the Far East”. The authors provide a review of sources that reveal various aspects of garrison and barracks life in the 1900–1930s. Red Barracks, which are the main object of the study, are considered from two perspectives: as the basis of red-brick garrison architecture widespread throughout the Russian Empire from St. Petersburg to Vladivostok, and as an ideological construct of the first decade of Soviet power, opposed to the Royal Barracks.

Keywords: Far East; Red Barracks; garrison architecture; military camps.

Красные казармы / Red Barracks

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Михаил Базилевич

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Alina Ivanova

Pacific National University
(Khabarovsk)

Mikhail Bazilevich

Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование

выполнено за счет гранта
Российского научного
фонда № 24-28-20354,
[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/) и
Министерства образования
и науки Хабаровского края
(Соглашение № 119С/2024)

Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-28-20354,
[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/)
and the Ministry of
Education and Science of
Khabarovsk Krai (Agreement
No. 119C/2024)

Введение

Для жителей крупных железнодорожных узлов, расположенных вдоль Транссиба (Омск, Новосибирск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток), словосочетание «красные казармы» ассоциируется с военными городками, построенными в начале XX века в связи с переброской войск на восток (рис. 1). Эти краснокирпичные ансамбли время от времени являются объектами научных исследований местных историков.

Иркутские коллеги (Н. Бубис, И. Калинина, Е. Ладейщикова) неоднократно пытались привлечь внимание общественности к бедственному состоянию Красных казарм, возведенных в 1908–1909 годы для размещения 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, принимавшего участие в обороне Порт-Артура. Регулярно спланированный и единовременно выстроенный, «закрытый, автономно действующий военный городок», включал солдатские и офицерские казармы, Николаевскую церковь, жилые дома для семейных офицеров, подсобные и хозяйственные строения, склады и проч.; постройки, объединенные по функциональному значению, «образовывали замкнутые, разделенные проездами и улицами группы» [1]. Авторы указывают, что здания военного городка были построены по проекту иркутского архитектора Ф. Ф. Коштыля, но мы склонны думать, что за основу были взяты типовые чертежи, разработанные инженерным ведомством и рекомендованные всем войсковым соединениям в 1882 году.

В 2019 году в журнале «Проект Байкал» была опубликована хорошо иллюстрированная статья Николая Журкина и др. о формировании военно-стратегической функции городов Западной Сибири (Омск и Новониколаевск) в начале XX века. Анализируя объекты, возведенные в Новониколаевске, – военный городок № 17 («огромный комплекс, состоящий из 39 зданий») и военно-остановочный пункт у железнодорожного вокзала, автор выделяет шесть основных функциональных типов сооружений: жилые, культовые, больничные, хозяйственные, общественно-административные и сооружения для питания воинского контингента [2].

Мы также неоднократно обращались к теме гарнизонной архитектуры в цикле статей в журнале «Проект Байкал» в 2021–2024 годах. Однако данная работа явля-

ется «побочным продуктом» нашего основного проекта, посвященного архитектурно-градостроительной деятельности военного ведомства на Дальнем Востоке. В ходе поиска информации по словосочетанию «красные казармы» в электронных базах данных Российской научной библиотеки (РНБ), Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБР) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) мы – неожиданно для себя – обнаружили пласт публикаций первого послереволюционного десятилетия, показавшийся нам достаточно интересным, чтобы расширить хронологические рамки исследования до 1930-х годов.

Феномен красных казарм в зависимости от «настройки оптики» можно рассматривать, во-первых, как единый проект, охвативший всю территорию Российской империи от Царского Села до Приморского края (рис. 1), во-вторых, «красная казарма» – идеологический конструкт, появившийся в первые годы советской власти и широко использовавшийся пропагандой (при этом «царские» краснокирпичные казармы трактовались как место «хуже каторги»).

Объектом исследования являются казармы первой четверти XX века, предметом – реконструкция на основе исторических источников казарменного быта 1900–1930-х годов. Основная цель – выявить инструменты трансформации царской казармы в красную казарму в первом десятилетии советской власти.

Методика работы включает изучение материалов из фондов РНБ, ГПИБР и ГАРФА, а также натурные обследования дальневосточных краснокирпичных казарм, возведенных в начале XX века в Приморье, Хабаровске и Николаевске-на-Амуре. В статье в большом количестве цитируются малоизвестные послереволюционные публикации.

Историки архитектуры обычно имеют дело с архивными чертежами, концентрируясь на объемно-планировочных решениях, композиции фасадов, стилистических маркерах и прочих узкоспециализированных проблемах, редко задаваясь вопросом, а каково было жить в этих постройках? Относительно объективную картину состояния казарм можно получить на основании обзоров санитарно-гигиенического характера, регулярно появлявшихся

в

а

на страницах периодики в конце XIX – начале XX века и выходивших отдельными изданиями.

Основным источником по истории русских казарм является монументальный труд Н. П. Ляпидевского «История казарменного помещения войск в России», опубликованный отдельными главами в «Инженерном журнале» в течение пяти лет (1881–1885). «Инженерный журнал» (рис. 2, а) в целом является примером высокого культурного уровня русских военных инженеров, свободно владевших европейскими языками и внимательно следивших за передовыми военными технологиями, внедряемыми западными державами. Совершенно иное впечатление оставляет революционная военная пресса (например, газета под многообещающим названием «Казарма»), наполненная мессианскими ожиданиями победы Интернационала. Какую-либо фактологию, касающуюся темы нашего исследования, почерпнуть из этих источников проблематично, однако в журналах «Красная армия в Сибири» (Новониколаевск, 1921–1922) и «Красная армия на Востоке» (Иркутск, 1921–1922) (рис. 2, б) были разделы, посвященные «красноармейскому быту». На основе этих публикаций можно реконструировать драматичную судьбу краснокирпичных казарм начала XX века, о которых писали наши иркутские и новосибирские коллеги. Мы вернемся к ним чуть позже, чтоб не нарушать хронологическую последовательность изложения.

В РНБ и в фоне редких изданий ГПИБР хранятся ветхие брошюры 1920–1930-х годов (рис. 2, в), напечатанные различными пропагандистскими отделами и предназначенные для чтения вслух красноармейцам. Отметим, что создатели этого «красного дискурса», скрывавшиеся под псевдонимами, плохо владели русским литературным языком (или специально пытались сконструировать речевые практики, понятные малограмотному красноармейцу из крестьян), поэтому читать постреволюционную прессу тяжело и неприятно. Тем не менее изучение этого информационного пласта позволяет выявить технологию трансформации «черной» (царской) казармы в советскую «красную казарму».

На рис. 3 представлены изображения царских казарм из пропагандистских изданий 1920-х годов. Интересно, что изображение классицистской «черной казармы» с дорическим портиком (рис. 3, а) напоминает типич-

6

ный послевоенный обком/райком (например, бывший Хабаровский райком на ул. Карла Маркса). Да и в целом здание хороших пропорций и благородной, дворцовой архитектуры производит, возможно вопреки замыслу иллюстратора, благоприятное впечатление. Другая иллюстрация (рис. 3, б) более соответствует привычному представлению о казарме как безликом, лишенном каких-либо намеков на архитектуру строения. Насколько

^ < Рис. 1. Типичные дальневосточные красные казармы начала XX века, село Раздольное:
а – общий вид,
б – торцевой фасад;
в – фрагмент карниза и фронтона.
Фото Е. В. Глазотенковой

▲ Рис. 2. Источниковая база исследования. Обложки изданий из фондов РНБ и ГПИБР: а – «Инженерный журнал», на виньетке – узнаваемый силуэт моста. Такие мосты были построены в начале XX века русскими инженерами в Хабаровске через р. Амур и в Харбине через р. Сунгари; б – журнал «Красная армия на Востоке» (1923); в – «Жизнь красной казармы и красного лагеря» (1927) [3]; г – сборник воспоминаний «В царской казарме» (1929) [4]

далек этот образ казармы от реальной гарнизонной архитектуры, можно оценить, взглянув на рис. 1.

«Черная казарма». Ненадежные свидетельства

Существуют буквально единицы широко известных источников, вошедших в русский культурный код и описывающих повседневность гарнизонной жизни, что несколько странно, учитывая прекрасное столичное образование, получаемое офицерством, традиционно комплектовавшимся из высшего – аристократического и дворянского – сословия. Каста военных была жестко стратифицирована на «кшатриев» – офицеров, значительную часть которых составляли немцы-лютеране и поляки-католики, и бесправную солдатскую массу, рекрутируемую из инородцев и самого темного славянского крестьянства. Офицеры, входившие по праву рождения в высший слой культурной элиты страны, вероятно, из соображений полковой чести предпочитали не «выносить сор из избы», а нижние чины были тотально малограмотны и неспособны к рефлексии. Из-за скудности источников истории и антропологи, занимающиеся анализом казарменного быта и традиционных бытовых практик, воспроизводящихся в гарнизонах, неизменно обращаются к творчеству А. И. Куприна, получившего образование в московском кадетском корпусе и Александровском военном училище, а после четыре года отслужившего в Подольской губернии. Наиболее часто цитируется повесть «Поединок» (1905), описывающая жизнь пехотного полка, размещенного на постой в глухом местечке на западной окраине Российской империи. «Поединок» вызвал возмущение русского офицерства, широко известен негодующий отзыв военного историка генерала Платона Гейсмана, совершенно справедливо обвинявшего Куприна в подрыве государственных устоев. В повести Куприна упоминается о попытке суицида забитого солдата. О том, что солдатская жизнь была порой невыносимой, косвенно свидетельствуют отчеты штаба Приамурского военного округа, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края, содержащие ежемесячные сухие сводки о самоубийствах из нижних чинов.

Мы не будем в очередной раз цитировать «Поединок», а обратимся к малоизвестным (судя по отсутствию запросов на выдачу на контрольных листках) источникам описания казарменного быта, оставленным вольноопределяющимися. Вольноопределяющиеся, составлявшие некий промежуточный слой между офицерством и солдатами, часто набирались из образованных евреев, перешедших в христианство, и недоучившихся студентов, но их свидетельства слишком тенденциозны и не вызывают полного доверия. Прочитав десяток совершенно однотипных воспоминаний, написанных словно под копирку и одинаково названных «В царской казарме», мы склоняемся к мысли, что эти тексты были инспирированы военной прозой А. И. Куприна.

Однако среди бесконечных сетований на ужасную антисанитарию, отвратительную еду, грубость ограниченных фельдфебелей и апатичность спивающихся офицеров можно вычленивать обрывки информации об устройстве столичных казарм начала XX века. Вот типичные воспоминания некоего Семёна Григорьева, к которому солдаты обращались «господин вольноопределяющийся», изданные Государственным военным издательством в 1925 году: «Большой двор, обнесённый некрашеным деревянным забором, низким и донельзя ветхим. Казарменные постройки ничем не отличались одна от другой: красные железные крыши, беловато-мутные стены, квадратные, в 10 стекол каждое, окна» (рис. 2, б); «Я переступил порог похожего на манеж помещения. Несмотря на большие размеры, на многочисленные, в два ряда, окна, казарма казалась тесной и мрачной» [5, с. 76].

Из описания можно понять, что столичные казармы, в отличие от дальневосточных, оштукатуривались, имели значительные размеры и большую площадь остекле-

ния. Далее Семён Григорьев описывает планировочное решение и обстановку казармы: «Пирамиды для ружей делили ротное помещение на две почти равные части. В меньшей, между четвертым и пятым окном стоял киот. Несколько поодаль от киота – желтый большой прямоугольный стол. С обеих сторон, во всю длину стола по скамье без спинок. В глубине старенький, весь в трещинах шкаф. Эту часть казармы, как я после узнал, солдаты называли «обжоркой». Часть за пирамидой, занятая нарами, называлась «ночлежкой», один из углов которой, огороженный досчатой перегородкой, занимала канцелярия» [5, с. 77].

Наиболее объективные воспоминания оставил в 1903 году некий «товарищ, прослуживший в казарме весь полагавшийся ему срок службы» («Искра», Женева): «Чтобы занять праздный ум солдат, начальство придумывает для них развлечения: беседы со священником, книги для чтения, даже театр. Раз или два в год разыгрываются драматические сцены, незамысловатые, но доставляющие много искреннего удовольствия и зрителям, и исполнителям» [6].

В отличие от многочисленных авторов сомнительных «воспоминаний», «товарищ» из «Искры», вероятно, действительно служил, поэтому его свидетельства более объективны. В частности, он упоминает книги и театр – это важная деталь, так как красные пропагандисты будут всячески педалировать тему тотального «мрака невежества», царившего в царской казарме. Однако указания на существование библиотек в самых дальних гарнизонах встречаются и в воспоминаниях современников, и в официальных источниках, например во Всеподданнейшем отчете по управлению Восточно-Сибирским военным округом за 1880 год говорится: «Чтобы доставить возможность <...> заниматься чтением, в свободное от служебное от занятий время, в частях военного округа заведены библиотеки, пополняемые ежегодно выходящими в свет сочинениями, по мере средств, отпускаемых для этих целей правительством, и – частью на суммы, получаемые от добровольных взносов офицеров».

Мы могли бы привести массу цитат из военной периодики 1900–1914 годов, свидетельствующей о развитии солдатского культурного досуга, но остановимся на очерке некоего Талыпина «Солдатские развлечения», опубликованном 11 апреля 1906 года в газете «Военная жизнь» (печаталась «с разрешения начальника тыла войск Дальнего Востока» в Харбине), где говорилось о популярности солдатских любительских спектаклей: «Во многих войсковых частях находились любители театрального дела. Они испрашивали у начальства разрешение устроить солдатский спектакль, изыскивали денежные средства для постановки, выбирали актеров из наиболее смысленных и развитых нижних чинов, распределяли роли, следили за их разучиванием. <...> Задолго до спектакля были заполнены вечерние досуги у солдат и вся казарма с живым интересом следила за подготовкой спектакля, который, обыкновенно, приурочивался к войсковому празднику. <...> Иногда после него в зрительном зале, приспособленном из казармы или столовой, устраивался танцевальный вечер для солдат». Из этого замечания можно вывести заключение о полифункциональности зальных помещений, обычных для дальневосточной гарнизонной архитектуры.

Талыпин уверял, что «между офицерами всегда много театралов и артистов-любителей, так как офицерские любительские спектакли давно сделались обыденным явлением в офицерском быту, особенно при стоянках в захолустных медвежьих углах». Говоря о незначительном бюджете, требуемом для солдатских спектаклей, автор очерка ссылался на практики китайских театров (напоминаем, что мы цитируем газету, выходившую в Харбине): «Многое, что является необходимостью в городских благоустроенных театрах, будет ненужной роскошью

6

в казарме. Многое может быть дополнено воображением зрителей. Без занавеса, например, легко обойтись, как показывает китайский театр Тифонтия в Харбине. У китайцев вообще развита условность в театральной игре. <...> Наиболее важна не материальная, а духовная сторона дела». В заключение этот энтузиаст театрального дела резюмировал: «Солдатские любительские спектакли должны срастись с жизнью казармы, как любимое и нормальное праздничное развлечение. А по мере развития и укоренения <...> руководитель-офицер должен по-немногу передавать режиссерство в руки нижних чинов, оставляя себе лишь совет и цензуру». Из этой заметки нетрудно сделать вывод, что на самом дальнем фронтире империи солдатская жизнь была достаточно благополучна, раз хватало ресурса на организацию культурного досуга.

От царской казармы к красной казарме

Однако в советской пропаганде царская казарма неизменно описывалась в самых мрачных, беспросветных тонах. Целенаправленная работа по «черному пиару» царских казарм, вероятно, должна была истребить еще свежую память о вполне достойном уровне комфорта, который они обеспечивали своим постояльцам, так как солдатская жизнь в первые годы революции, по свидетельствам современников, превратилась в кошмар. Очерки, посвященные «красноармейскому быту», публиковавшиеся в ежемесячно выходивших журналах «Военное дело в Сибири» и «Военное дело на Востоке», переполнены однотипными воспоминаниями: «Начало 1921 г. Только что возвратившиеся с фронтов части принимают за свое жилье. Казармы потеряли жилой вид. Побитые стекла, разрушенные печи, щели в стенах. Тяжелая зима. Топливные заготовки превратились в боевой фронт, и красноармейцы отчаянно бьются с холодом»; «Во всех казармах окна побиты, красноармейцы на голых нарах ночью чуть инеем не покрываются»; «Холодная казарма с побитыми окнами. <...> Вонючие коптилки отравляют воздух и почти не освещают внутренности жилища Красного бойца. Двойные нары. Грязь. Обморожения. Заболевает. Никто не забыл прошлой зимы 1921 года. Казарма могла называться только «черной», как бывают в деревнях бани по-черному. И вот из этой холодной и грязной казармы надо было сделать Красную казарму».

Товарищ Яков Берман в статье «Улучшения быта красноармейцев» сокрушался: «Нам нечего скрывать ни от других, ни от себя, что условия жизни нашего красноармейца заставляет желать много лучшего. Нашим красноармейцам приходится жить в совсем необорудованных казармах, с неисправным отоплением, испорченной канализацией, с разбитыми стеклами, спать на грязных, необчищенных нарах, порой без всякой подстилки, сидеть по вечерам без света в недостаточно отопленных помещениях, ничем не украшенных, иногда имеющих очень тусклый, неприглядный вид». Так как журнал выходил в Иркутске, в штабе 5-й армии, Я. Берман описывает руинизацию тех самых «красных казарм», построенных в 1907–1908 годах, о которых упоминалось во введении. От построек, некогда полностью соответствовавших передовым санитарно-гигиеническим требованиям, после Гражданской войны остались одни остовы. Далее Яков Берман

а

призывает украсить казарменный быт «всеми видами просветительской работы, клубом, школой, читальней, библиотекой, уголками отдыха, портретами, плакатами, украшениями и проч.».

Эти цитаты дают представление о том, во что превратились новониколаевские и иркутские краснокирпичные казармы на четвертый год революции. В качестве основных причин столь бедственного состояния некогда вполне цивилизованных гарнизонных построек автор статьи «Ремонт казарм в 1922 г.» прежде всего называет «отсутствие хозяина» из-за «беспрерывной переброски вследствие военных действий частей войск». Кроме того, «большую роль в разрушении казарм сыграл топливный голод». Если и отпускались дрова, то свежесрубленные, поддерживать тепло было невозможно, температура в казармах была около 0 градусов. Чтобы согреться, красноармейцы жгли всю сухую «столярку», двери, рамы, заборы, топчаны, табуреты и даже стропила, что влекло разрушение крыш. Спасаясь от холода, солдаты забивали выбитые окна щитами и досками, поэтому в казармах было темно круглые сутки.

Катастрофичность ситуации требовала волевого решения – и Реввоенсовет Иркутска объявил «разверстку». К лету 1921 года была собрана «колоссальная сумма» – в переводе на рыночные деньги 1921 года – более триллиона рублей. И эта помощь даром не прошла – четыре месяца лихорадочной работы, и военное строительство Сибири с честью справилось со своей работой. Казарма преобразилась: окна, забитые досками, были остеклены полностью, полуразрушенные печи прочищены и восстановлены, дополнены недостающими приборами, сожженные двери изготовлены вновь и навешены, кухни снова отремонтированы, вся пыль и грязь с потолков и стен снята, и последние сверкают своей новой побелкой. Двухъярусные нары убраны и заменены топчанами. Забылось тяжелое время прошлых лет, когда в холодных и грязных комнатах, закутавшись в шинели у вонючей коптилки, сидела группа красноармейцев, – теперь яркий свет электрических лампочек освещает чистые комнаты и кровати, установленные правильными рядами». К 1922 году добились выполнения нормы воздуха на каждого красноармейца – 1,5 куб. сажени воздуха. Войска, расквартированные по бытовальским домам, снова вернулись в «красные казармы» [7].

Наименование	Оборудование, %		Наименование	Оборудование, %	
	1921	1922		1921	1923
Топчаны	15	85	Отпуск дров в казарму	25	100
Одноярусные нары	40	12	Остекление	5	100
Двухъярусные нары	45	3	Освещение «коптилками»	60	20
Кипятильницы	30	80	Электрическое освещение	0	50

Чрезвычайные меры дали быстрый эффект. В журнале «Красная армия Сибири» в статье «Ремонт казарм в 1922 г.», подписанной инициалами С. К., говорилось: «Казарма стала общежитием, где не ощущается недостатка в самых первоначальных потребностях. Каждый красноармеец имеет свою койку. Казарма тепла и светла. Но каждый красноармеец не имеет еще уютного уголка, где бы он имел возможность в светлом, теплом и уютном месте почитать, написать письмо или поговорить с товарищем. Необходимо, чтобы в каждой роте был устроен

^ Рис. 3. Изображения царских казарм в раннесоветской пропаганде: а – рисунок с обложки книги «В царской казарме» [4]; б – иллюстрация к тексту С. Григорьева [5]

> Рис. 4. Иллюстрации из книги «Жизнь красной казармы и красного лагеря» [4]:
а – урок политпросвещения;
б – утро красноармейцев

«Красный уголок» – уютный, украшенный, теплый, со всеми принадлежностями, необходимыми для чтения, письма и отдыха. <...> Перед нами стоит задача построить действительно Красную казарму».

В рубрике «Быт красноармейца» регулярно печатались статьи под инициалами В. К. В последнем, декабрьском номере за 1922 год этот поборник нового красноармейского быта писал: «Идеалом красной казармы мы считаем во всех отношениях хорошо оборудованное, теплое и светлое общежитие красноармейца, культурно выросшего и занимающегося серьезной учебой. Как близко мы подошли к этому идеалу?» [7].

От военной казармы к «культурному общежитию»

В качестве характерного образца раннесоветского дискурса приведем фрагменты из инсценировки для гарнизонных «театружков» «Черная и красная казармы» (издана Политическо-просветительским управлением Петроградского военного округа в 1921 году), два действия которой, по уверению безымянного автора, должны были характеризовать «вчера и сегодня». Этот поразительный документ эпохи хотелось бы процитировать целиком, но ограничимся кратким пересказом. Первая сцена – «Черная казарма» – показывает урок словесности в царской казарме, которая описывается так: «Душно. Полутемно. На нарах сидят с тупым отчаянием солдаты. Жутко». Полной противоположностью выглядит «Красная казарма» во второй сцене: «Светлая комната. Плакаты. Портреты. Красноармейцы сидят, читают, кое-кто рисует».

Заметим, что для размещения красноармейцев использовались все те же царские казармы. То, что из душной темной комнаты «учебка» превратилась в светлое помещение, объясняется, вероятно, тем, что открыли или помыли большие окна, которые были обязательным элементом казарменных построек.

Так как здания казарм оставались прежними, царскими, для создания новой, красной казармы требовалось кардинально изменить ее функционал и режим использования. Продолжим цитировать инсценировку 1921 года: «Спереди возле одного из красноармейцев – жена и маленький брат». Это указание, сигнализирующее о том, что казарма из «царской тюрьмы» со злобным фельдфебелем-антисемитом превратилась в уютный родной дом (точнее бы сказать – проходной двор, куда спокойно могут зайти посторонние).

«Вбегает толпа красноармейцев.

Красноармеец: Товарищи, получите билеты в театр.

Голоса: Мне. Мне. Очередь.

Красноармеец: На лекцию! На лекцию! Кто из сельскохозяйственного кружка! Лектор пришёл.

Жена: И суповка же у вас.

Красноармеец: Товарищи из хорового кружка! Сейчас будут занятия.

Начинаются занятия хорового кружка. Поют песни. Входит группа коллектива.

Коллектив: Товарищи! Придется прервать занятия. Наступают наши революционные праздники. Необходимо подготовиться. Обсудим на общем собрании.

Голоса: Товарищи! На общее собрание!

Председатель: Прежде всего, украсим наш клуб, сделаем праздничное жилье для наших праздничных дней.

Голоса: Правильно! Правильно!»

Даже по этому небольшому фрагменту можно сделать вывод о значительном изменении функционала казармы, да и самой концепции призывной армии. Основной идеей традиционной, царской казармы было изолирование солдата от привычного окружения, полный разрыв всех прежних связей и создание максимально обезличенного пространства. Сторонником этого подхода (если верить Н. П. Ляпидевскому) были и Петр I, и Александр I, и Николай I. Между тем в России до 1882 года сохранялась традиционная практика постоя. Привыкших к «вольному житью» в частных домах солдат пугал и отвращал жесткий распорядок коллективной казарменной жизни. Задачей раннесоветской пропаганды являлось «перекодирование» казармы из казенной «тюрьмы» в «уютный дом». В «Тезисах для политруков и агитаторов» выдвигалось революционное предложение: «Перестраивание армии состоит в переходе к милиции трудящихся. Вместо казармы-тюрьмы должно быть введено краткосрочное военное обучение на месте, не отрывающее от мирного труда граждан Советской России». Однако до завершения этого перехода «временно часть трудящихся остается под ружьем. Но Красная казарма – жилище часового Советской России – иная, чем царская казарма». В качестве основного отличия декларировалось стремление Красной казармы «прежде всего уничтожить разъединение солдата с его родной деревней и заводом». Предполагалось, что казарма станет «широко раскрытыми воротами в жизнь, а не в тюрьму, как в царское время» и возьмет на себя функции школы, клуба, библиотеки и дополнительного образования (кружков политических, технических, научных и художественных) [3].

Клубы стали главным символом новой Красной казармы. На 1.04.1926 в Красной армии и флоте работало 757 клубов, 1690 библиотек (где было записано почти полмиллиона читателей), 6122 школы, 5438 ленинских уголков и 8 тыс. кружков. Интересно, что больше всего – 21,5% – было художественных кружков, а кружков военных знаний 15,7% [3]. Этот явный крен в художественную самодеятельность отвечал некой, отчасти макабрической, театральности эпохи. В журнале «Красная армия на Востоке» (1922) была опубликована статья товарища Гедды «Театр в армии» [8], во многом перекликающаяся с цитируемой выше статьей Талыпина «Солдатские развлечения» из газеты «Военная жизнь» (Харбин, 1906).

Гедда, ссылаясь на Рихарда Вагнера («искусство грядущего должно нести на себе печать коллективного гения человечества, освободившегося от всяких национальных границ»), считал необходимым «втянуть в театр не единицы кружков и студий, а массы армии», так как «участие красноармейцев в массовых представлениях принесет много пользы со стороны общей эстетики и расширит понимание эпохи, проснется надежда героических подвигов». По мнению Гедды, «лагерная обстановка может способствовать практическому осуществлению массовых постановок», а «наиболее благоприятным местом для устройства зрелищ может служить поляна или площадь, непременно с холмом, но самое удобное – котловина, на одной стороне которой будет разворачиваться действие, а на скате другой – расположатся зрители, которые на первых опытах, может быть, будут и пассивны к происходящему и не волеются в гущу действия – этим смущаться не следует». В этом описании красноармейского театра угадывается античный образец. Отчасти наивные, но исполненные романтического энтузиазма мечты о народно-красноармейском театре, опубликованные в официальном органе 5-й армии Восточно-Сибирского округа, характеризуют далеко зашедший процесс трансформации военной казармы в «культурное общежитие».

Важнейшим, сакральным пространством казармы после смерти вождя мирового пролетариата стали ленинские уголки (бывшие «красные уголки»). Летом в лагерях организовывались ленинские полянки и палатки. На полянках устраивались «приспособления для спортивных занятий: стойки для прыжков в высоту, деревянные гранаты и копья, мячи для игр и проч., а в палатках – передвижные библиотеки. «Ленинская палатка, – уверяет автор брошюры, которую мы продолжаем цитировать, – гордость каждого красноармейца. Воинские части соперничают друг с другом в умении получше и покрасивее убраться в палатку внутри и снаружи. Из дерна, камней, стекол и щебня красноармейцы искусно выкладывают картины, портреты вождей революции. Эти украшения вместе с засаженными цветами клумбами украшают каждую ленинскую палатку» [3]. Щемяще-трогательная подробность о «картинах» и «портретах» из щебня и битого стекла указывает, с одной стороны, на отчаянную нищету эпохи, а с другой – на подъем вернакулярного дизайна, не представимого в царских казармах. Внутри стены ленинских уголков и палаток украшались плакатами, стенгазетами, географическими картами и вырезками из газет. В каждой ленинской палатке устраивались «доски текущих событий, на которые ежедневно заносились важнейшие сообщения из газет». Кроме того, имелись «разнообразные игры, шахматы, шашки», а также столы полчения и отправки красноармейских писем (рис. 2, г).

Помимо перечисленных выше новых общественных пространств, появившихся в красных казармах и, по-видимому, стандартных для всех войсковых частей, встречались оригинальные решения. В очерке «Тихоокеанцы» [3, с. 35], посвященном 1-й Тихоокеанской дивизии, описаны стрелковые кабинеты: «...некоторые из них оборудованы отлично. Вот в ящике под стеклом разрезаны все пули, которыми пользуются армии других стран и наша Красная армия. Далее громадный ящик с песком, где красноармейцы искусно делают холмики, мосты, реки, железные дороги и даже села с деревьями, учась, как надо применяться к местности». «Трое копошатся около панорамы, которую один из стрелков приводит в действие. В панораме, изображающей холмистую и лесистую местность, то вдали, то вблизи появляются чуть заметные стрелки. <...> Тут прицельные станки, пулеметы в разрезе, образцы газовых масок и т. д.».

Автор неоднократно цитируемой нами «книги для чтения» (рис. 2, в) констатирует: «Незаметно про-

ходит рабочий день красноармейца. Работа чередуется с интересными и полезными развлечениями. В казарме красноармеец, наряду с военной учебой, привыкает к разумной общественной работе, развивается политически, пополняет свои знания, укрепляет спортом здоровье» [3, с. 23–24].

Заключение

Начало 1920-х годов – поразительное время. Новое государство поднималось из руин Гражданской войны под лозунгом: «Союз серпа, молота и красной винтовки непобедим!» Утопический проект замены регулярной армии народной милицией предполагал полную трансформацию казармы из закрытого, милитаризованного локуса в общественно-культурное пространство открытого типа. Однако зачастую приметы нового красноармейского быта были воспроизводством повседневных практик, широко распространенных в царских казармах. В Красную армию вернулись не только чины и погоны, но и клубы, выросшие из офицерских собраний, любительские театры и библиотеки, «уроки словесности» и летние лагеря. Красные казармы, построенные в самом начале прошлого века, пережив революционные казаклизмы, восстали из пепла и тлена Гражданской войны как символ связи эпох. Некоторые из них до сегодняшнего дня используются по прямому назначению.

Литература

1. Бубис, Н., Калинина, И., Ладейщикова, Е. Красные казармы – памятник российской военной истории // Земля Иркутская. – 2001. – № 17. – С. 23–27.
2. Жури, Н., Вольская, Л., Хиценко, Е., Чугунов, Е. Военные городки: формирование военно-стратегической функции городов Западной Сибири (Омска и Ново-Николаевска) в начале XX века // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 166–169. – DOI : 10.7480/projectbaikal.62.1566.
3. Сычев, П. А. Жизнь красной казармы и красного лагеря : [книга для чтения]. – Москва : Главполитпросвет, 1927. – 72 с.
4. В царской казарме. – Москва : Издательство политкаторжан, 1929. – С. 141–202.
5. В царской казарме. – Москва : Гос. военное издательство, 1925. – 76 с.
6. В казарме. Из наблюдения социал-демократа. – Женева : Издательство «Искра», 1903. – 15 с.
7. В. К. Год строительства Красной казармы // Красная армия на Востоке : ежемесячный военно-полит. журнал 5-й армии и Востсибвоенноокруга. – № 5–6. – С. 54–61.
8. Гедда. Театр в армии // Красная армия на Востоке : ежемесячный военно-полит. журнал 5-й армии и Востсибвоенноокруга. – Иркутск, 1922. – С. 21–25.

References

- Bubis, N. G. (2001). Krasnye kazarmy – pamyatnik rossiiskoi voennoi istorii [The Red Barracks – a Monument of Russian Military History]. *Irkutsk Land*, 17, 23–27.
- Gedda. (1922). Teatr v armii [Theater in the Army]. *The Red Army in the East: Monthly military-political journal of the 5th Army and the East Siberian Military District*, 21–25.
- In the Barracks. From the Observations of a Social Democrat. (1903). Geneva: Iskra Publishing House.
- In the Tsar's Barracks. (1925). Moscow: State Military Publishing House.
- In the Tsar's Barracks. (1929). Moscow: Political Prisoners' Publishing House.
- Sychev, P. A. (1927). Zhizn krasnoi kazarmy i krasnogo lagerya: [kniga dlya chteniya] [Life of the Red Barracks and the Red Camp: [a book for reading]]. Moscow, Leningrad: Glavpolitprosvet.
- V. K. (n.d.). God stroitelstva Krasnoi kazarmy [The Year of Construction of the Red Barracks]. *The Red Army in the East: Monthly military-political journal of the 5th Army and the East Siberian Military District*, 5–6, 54–61.
- Zhurin, N., Volskaya, L., Khitsenko, E. & Chugunov, E. (2019). "Military Towns" as the basis for the formation of the military-strategic function of the cities of Western Siberia (Omsk and Novo-Nikolaevsk) at the beginning of the twentieth century. *Project Baikal*, 16(62), 166–169. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1566>